Karl Federn.

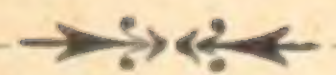
ЖЕНЩИНА

предъ судомъ

СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЛОГИКИ.

Цѣна 10 коп.

Перев. съ нѣм. **М. Я. Канторъ.**

МОСКВА.
Типографія Забалуева, Стрѣлецкій пер., д. Кабанова.
1906 г.

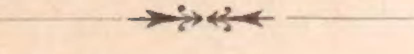
Карлъ Федернъ

ЖЕНЩИНА

передъ судомъ

СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЛОГИКИ.

Перевелъ съ нѣмецкаго канд. правъ
М. Я. Канторъ.

МОСКВА,
Типографія Забалуева Стрѣлецкій пер., д. Кабанова.
1906 г.

Женщины передъ судомъ справедливости и логики.

Великая историческая борьба слабыхъ противъ сильныхъ, угнетаемыхъ противъ угнетателей обыкновенно выдвигаетъ все новыя слова и выраженія, въ которыхъ болѣе или менѣе опредѣленно обрисовываются требованія и идеи извѣстной статіи этой борьбы. Между тѣмъ ничто такъ безтолково и безсмысленно не употребляется, какъ эти именно новыя слова. Какъ извѣстно, французская революція провозгласила и пустила въ обращеніе три громкихъ слова, которыя красуются даже на французскихъ банковыхъ билетахъ, а именно: свобода, равенство и братство.

О братствѣ мы не станемъ говорить; понятіе это— вполнѣ ясное, хотя оно съ дѣйствительною жизнью не имѣетъ ничего общаго. Это слово не болѣе и не менѣе, какъ краснорѣчивая ложь; свобода и равенство не мало оспаривались; легче же всего поддается опредѣленію равенство въ смыслѣ „равноправія передъ закономъ“. Дѣло въ томъ, что другаго равенства людямъ никогда не установить, ибо природа во всемъ безконечно разнообразна, аристократична, и имя ей—неравенство.

Упомянутое равноправіе передъ закономъ, которое человѣку среднихъ вѣковъ и тѣмъ болѣе древности, казалось бы актомъ безумія, всѣ почти современныя культурныя государства установили только для половины своихъ гражданъ, а именно для мущинъ. Женщины при этомъ были совершенно обойдены, и исключеніе ихъ изъ сферы новыхъ правъ и ихъ оставшееся подчиненное положеніе казалось борцамъ революціи и либерализма такъ же нормальнымъ, какъ аристократу стараго режима—положеніе третьяго сословія, средневѣковому рыцарю——судьба крѣпостнаго крестьянина, римлянину—безправіе раба или перегрина. Точно такъ же, какъ и перечисленные привилегированные классы, названные борцы находятъ подчиненіе одного гражданина другому вполнѣ естественнымъ, при чемъ у нихъ нѣтъ недостатка ни въ историческихъ аргументахъ, ни, въ такъ называемыхъ, велѣніяхъ разума и логики. Абсолютное равноправіе мущины и женщины, которое чрезъ какихъ-нибудь сто лѣтъ, а, можетъ быть, и раньше, станетъ вполнѣ естественнымъ явленіемъ и которое въ отдѣльныхъ странахъ уже теперь существуетъ, объявляется упомянутыми борцами чѣмъ-то безсмысленнымъ и невозможнымъ на томъ основаніи, будто неравенство половъ коренится въ самой природѣ послѣднихъ. Женщина, какъ они утверждаютъ, тѣлесно и умственно слабѣе и безпомощнѣе, чѣмъ мущина, а потому она къ самоопредѣленію и равноправію неспособна. Между тѣмъ, то положеніе, что женщина умственно слабѣе, выставляется на томъ лишь основаніи, что сравнительно блестящія продуктивныя дарованія до сихъ поръ слишкомъ ужъ несоразмѣрно преобладали, а, пожалуй, даже исключительно проявлялись среди мущинъ. Но преобладаютъ ли таковыя дарованія среди послѣднихъ абсолютно и дѣйствительно,—еще большой вопросъ; а въ этомъ-то и вся суть, ибо и среди мущинъ геніямъ не дается никакихъ особыхъ преимуществъ. Если бы умственныя способности обоихъ половъ можно было графически изобразить идущими вверхъ линіями, то даровитость мущинъ не тамъ бы начиналась, гдѣ таковая у женщинъ приходитъ къ концу, а, напротивъ, послѣдняя почти сравнялась бы съ высотой мужскихъ линій. Въ самомъ дѣлѣ, женщины въ процентномъ отношеніи даютъ большій контингентъ толковыхъ, даровитыхъ и энергичныхъ индивидовъ, чѣмъ при равныхъ условіяхъ мущины. Этотъ фактъ наблюдается въ жизни на каждомъ шагу и сугубо подтверждается еще тѣмъ соображеніемъ, что многія умственно даровитыя женщины, благодаря извращенному ихъ воспитанію, которое мущинами признано полезнымъ давать дѣвушкамъ, не имѣютъ даже возможности проявлять и развивать свои дарованія. Теперь остается, такимъ образомъ, разсмотрѣть только вопросъ о слабой физической природѣ женщины и обусловливаемой ею необходимости опеки надъ послѣдней.

Если, допустимъ, женщина, въ виду различныхъ причинъ, какъ большая подверженность болѣзнямъ, какъ: страданія беременности, менѣе приспособлена къ борьбѣ за существованіе, чѣмъ мущина, то было бы скорѣе необходимо предоставлять ей еще большія права, чѣмъ мущинѣ, дабы она легче могла устоять въ этой борьбѣ.

Если, напримѣръ, двое борются при неравныхъ силахъ, то справедливость требуетъ, чтобы болѣе слабому предоставлены были болѣе выгодныя условія для борьбы, скажемъ, дана была болѣе сильная позиція etc, но отнюдь не связывались еще руки. Слѣдовало бы женщинамъ облегчать ихъ трудъ, развитіе, жизнь, а не затруднять, какъ это практикуется въ настоящее время. Между тѣмъ, господствующій принципъ общества былъ во всѣ времена таковъ, что болѣе сильному давались еще большія преимущества, или, лучше сказать, болѣе сильные въ обществѣ самовольно присвоивали себѣ таковыя преимущества, живя безъ всякаго труда, который они обыкновенно взваливали на своихъ согражданъ, и безъ того слабыхъ и угнетенныхъ. Таковы историческія черты политической и экономической борьбы во всѣхъ странахъ, и такими же чертами характеризуется въ нихъ и исторія борьбы между полами. Указанныя черты являются неизбѣжнымъ результатомъ борющихся силъ, результатомъ, который, можетъ быть, и не поддается измѣненію, но въ то же время и не терпитъ ложныхъ аргументовъ логики и справедливости для своего оправданія. Что касается результата борьбы между полами—подчиненнаго и угнетеннаго положенія женщины, то настоящей причиной этого положенія служилъ, въ дѣйствительности, тотъ фактъ, что женщина всегда была слабѣе мущины, и, только, пользуясь таковою ея слабостью, послѣдній ограничилъ ее въ цѣломъ рядѣ элементарныхъ правъ, дающихъ возможность при благопріятныхъ условіяхъ развиться и и стать человѣкомъ въ возвышенномъ смыслѣ, а при

неблагопріятныхъ условіяхъ могущихъ женщину сдѣлать еще болѣе жалкимъ существомъ, чѣмъ мущину при равныхъ условіяхъ.

Къ сожалѣнію, въ аргументахъ въ пользу угнетенія сильными слабыхъ никогда не было недостатка, и, для оправданія многихъ нелогичныхъ учрежденій и правовыхъ ограниченій, сплошь да рядомъ приводится масса нелогичныхъ аргументовъ. Такъ, напримѣръ, въ пользу бо̀льшихъ политическихъ правъ имущихъ все еще выставляется то основаніе, что послѣдніе располагаютъ болѣе важными интересами. Между тѣмъ же, интересы людей сказываются гораздо больше въ томъ, чего имъ недостаетъ, чѣмъ въ томъ, что они имѣютъ, т. е, неимущимъ недостаетъ несравненно большаго, чѣмъ тѣмъ, которые отчасти или вполнѣ пресыщены благами міра. Послѣдніе уже въ одномъ своемъ матеріальномъ превосходствѣ имѣютъ большія права, которыя при этихъ условіяхъ уже сами собою должны предполагаться, а потому уже на основаніи чисто-теоретической справедливости слѣдовало бы неимущимъ и болѣе слабымъ давать большія политическія права, дабы они могли держаться противъ преобладанія болѣе сильныхъ экономически и физически. Это положеніе еще въ несравненно большей мѣрѣ примѣнимо въ отношеніи женщины, какъ существа болѣе слабаго, чѣмъ мущина.

Въ самомъ дѣлѣ, такъ называемая, борьба между полами является борьбой не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ другіе виды борьбы; она рѣзко отличается отъ борьбы между расами, народами и

классами одного народа. Въ борьбѣ между полами нѣтъ двухъ замкнутыхъ ратей, сражающихся одна противъ другой—а это именно и есть важное обстоятельство, которое многіе пишущіе по этому вопросу сплошь да рядомъ упускаютъ изъ виду. Эта борьба между полами существенно отличается отъ другихъ видовъ борьбы; это—борьба, которая сплошь да рядомъ превращается въ отдѣльные союзы и сожительства между противниками. Эти союзы и сожительства въ свою очередь опять-таки ведутъ къ борьбѣ хотя бы и двухъ личностей. Эта борьба представляетъ собою гармоничную игру серьезныхъ столкновеній и тѣснѣйшаго общенія, игру, которою обусловливается размноженіе и развитіе человѣчества. Если бы эта борьба велась такъ, какъ ее вести бы слѣдовало, то она должна была бы лучшія способности каждой данной расы привести къ полному развитію. Эта борьба напоминаетъ собою сраженія амазонокъ и грековъ въ Клейстовской „Penthesilea“ *), которая въ сущности ее и символизируетъ, опасныя сраженія, послѣ которыхъ плѣнныя въ цѣпяхъ изъ розъ ведутся къ брачнымъ торжествамъ и нерѣдко при этомъ тяжко избиваются.

Никакая прочная организація въ этой борьбѣ немыслима, ибо, благодаря союзамъ, которые заключаютъ между собою противники, таковая организація при первой попыткѣ должна тутъ же распасться. Парами или группами соединяются они для общихъ интересовъ; да, въ сущности говоря, здѣсь конкурренціи

*) Королева амазонокъ.

интересовъ и быть не можетъ, а, наоборотъ, интересъ одной стороны является такимъ же интересомъ для другой, такъ что борьба, которая нынѣ усматривается въ отношеніяхъ между полами, искусственно лишь вызвана неестественностью этихъ отношеній.

Однако, эта-то именно постоянная общность интересовъ и способствовала обостренію вопроса и внесла глухую борьбу въ каждую семью, породивъ то безконечное лицемѣріе, которое проникаетъ, обычаи и законодательство всѣхъ народовъ.

Женщина слабѣе насъ мущинъ, но вѣдь она—наша; она нуждается въ защитѣ, и мы въ виду этого—такъ оправдываемся мы мущины—будто и взяли ее подъ наше покровительство. Бѣдное созданіе неспособно самостоятельно за себя дѣйствовать, это могло бы ей (а, пожалуй и намъ) вредить, а потому мы рѣшили ее избавить отъ этого бремени. Уже римское право признавало необходимость опеки надъ женщиной и ограничивало ее, поэтому, въ ея дѣеспособности, приравнивъ ее чуть ли не къ слабоумнымъ; такъ, оно подчинило жену мужу, дочь—отцу.

Къ сожалѣнію, однако, протекторатъ всегда являлся маскированнымъ господствомъ, а покровительствуемые всегда—крѣпостными. За свое покровительство сильные всегда умѣли себя хорошо вознаграждать, а таковое покровительство всегда въ большей или меньшей степени превращалось въ эксплоатацію. При такомъ покровительствѣ женщина была предметомъ похоти и рабочей силой; въ этихъ двухъ направленіяхъ

она эксплоатировалась и донынѣ еще эксплоатируется. Наиболѣе искренними въ этомъ отношеніи оказываются уже восточные народы, которые женщину открыто признаютъ рабой и, какъ таковую, ее третируютъ. Весьма возможно, что въ такомъ отношеніи къ женщинѣ и лежитъ основная причина отсталости и неразвитости восточныхъ народовъ.

Новѣйшія же законодательства, за нѣкоторыми измѣненіями, болѣе или менѣе сходны съ римскими правовыми воззрѣніями на женщину.

И въ наше время отецъ или мужъ покровительствуетъ женщинѣ, но въ то же время ею и повелѣваетъ. Но большой вопросъ, всегда ли онъ повелѣваетъ въ томъ, что, дѣйствительно, полезно для женщины, или же въ томъ, что большею частью для него самого выгодно? Какъ извѣстно, мущины всегда издаютъ покровительстенные законы для женщины; они опредѣляютъ ея воспитаніе, ея образъ жизни, ея бракъ, ея отношенія къ ея ребенку и къ отцу послѣдняго. А развѣ они всегда дѣлали это, дѣйствительно, въ видахъ покровительства женщинѣ и издавали законы относительно внѣбрачной матери и внѣбрачнаго ребенка, дѣствительно, въ интересахъ женщины?

Съ другой стороны, законъ или обычай какъ будто и предоставили женщинѣ нѣкоторыя экономическія преимущества: въ массѣ случаевъ—которая къ числу индивидовъ, особенно въ настоящее время, не состоитъ ни въ какомъ отношеніи—женщина не только опекается мущиной, но и содержится имъ, хотя бываютъ, ко-

нечно, и обратные случаи. Но вѣдь часто мущина содержитъ женщину только на время, доколѣ это ему нравится, подобно тому, какъ онъ кормитъ животное, которое онъ держитъ для забавы или работы. Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ случаяхъ быть рѣчь о преимуществахъ, и не слишкомъ ли дорого эти мнимыя преимущества женщинами оплачиваются.

Если, бываетъ, правда, не мало случаевъ, гдѣ отношенія мущины къ женщинѣ, какъ отца къ дочеря или мужа къ женѣ, дѣйствительно, во всѣхъ касающихся ея вопросахъ искренни и благодѣтельны, то въ большинствѣ, однако, случаевъ, мы наблюдаемъ обратное явленіе, находящее себѣ объясненіе въ томъ, что господство и опека не всегда могутъ въ полной мѣрѣ обезпечивать интересы опекаемыхъ. Но каково обстоитъ дѣло въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ между отцомъ и дочерью, мужемъ и женой возникаютъ конфликты, и перевѣсъ права или превосходство ума на сторонѣ женщины, которая, будучи въ большинствѣ случаевъ болѣе благороднымъ и болѣе развитымъ существомъ, противится лишь порабощенію своей личности? Кто же защититъ ее въ такихъ случаяхъ отъ ея покровителей, особенно въ тѣхъ вопросахъ сердца и сопряженныхъ съ ними конфликтахъ, которые какъ разъ у особенно развитыхъ и одаренныхъ натуръ наиболѣе рѣзко выступаютъ, порождая самыя чувствительныя страданія, и которые, вообще, можетъ разрѣшить лишь полная свобода!

Въ сущности говоря, женщина въ своихъ естественнѣйшихъ и элементарнѣйшихъ отношеніяхъ къ другому полу, къ мущинѣ, вообще, и къ мужу въ частности, который большею частью деспотиченъ и даже жестокъ, положительно, предоставлена почти беззащитной полному его произволу.

Вообще, все, такъ называемое, покровительственное якобы для женщины законодательство есть не болѣе, какъ лицемѣріе, и создано исключительно въ интересахъ и для удобствъ мущинъ. Это положеніе можно въ отношеніи мельчайшихъ деталей въ жизни доказать, да оно и неоднократно было доказываемо.

Однако, не только въ явно сказывающихся лишеніяхъ, суровыхъ правоограниченіяхъ и матеріальныхъ стѣсненіяхъ женщины—кроется все зло въ ея положеніи, но, что еще хуже, главнымъ образомъ, въ тѣхъ отрицательныхъ, какъ и всегда бываетъ, психическихъ послѣдствіяхъ для женщины, съ которыми эти черты ея положенія сопряжены. Таковыми послѣдствіями являются неисчислимыя нравственныя стѣсненія и жестокости въ отношеніи женщины, учиняемыя въ тишинѣ дома, безчисленные случаи, въ которыхъ личное и индивидуальное развитіе дѣвушекъ и женщинъ тормозится родителями, братьями и мужьями; далѣе—масса случаевъ, гдѣ подневольныя, непросвѣщенныя и безгласныя дѣвушки принуждаются къ браку или буквально продаются въ замужество для возмутительныхъ и несчастныхъ браковъ; наконецъ—постоянная эксплоатація женщины въ стѣнахъ дома и внѣ его, случаи эксплоатаціи беззащитныхъ и безотвѣтныхъ или, что нисколько не лучше, преданныхъ добровольныхъ жертвъ мужской тираніи. Въ очень многихъ случаяхъ женщина за столь несправедливое отношеніе къ ней мущины весьма жестоко мститъ ему, и нѣтъ ничего удивительнаго, если она и съ своей стороны старается эксплоатировать мущину, гдѣ это ей только возможно.

Должно замѣтить, что не только законы, но и особая нравственность, которую мущины сочинили и установили для женскаго пола и которую цѣлыя поколѣнія женщинъ воспринимали и въ свою очередь передавали, какъ нѣчто священное, придумана была почти исключительно для удобства и удовольствія мущины, хотя не всегда для его дѣйствительной выгоды. Какъ ни велико на дѣлѣ различіе между полами, оно какъ разъ въ той области, гдѣ оно особенно подчеркивается, меньше всего существуетъ; мы здѣсь имѣемъ въ виду цѣломудріе, которое очень высоко цѣнится нами и которое должно быть одинаково для обоихъ половъ. Цѣломудріе не въ томъ состоитъ, въ чемъ оно обыкновенно усматривается, а именно ни въ ограниченіи естественнаго плодородія, ни въ наивномъ невѣдѣніи молодой дѣвушки; невѣдѣніе это, будучи, въ сущности, противоестественнымъ и вреднымъ, культивируется, лишь какъ средство для полового возбужденія мущинъ, которые вслѣдствіе своей развращенности обыкновенно вступаютъ въ бракъ уже отжившими.

Проституція и распутство одинаково мстятъ обоимъ поламъ вырожденіемъ индивида и потомства, И совершенно ложно то положеніе, будто молодой человѣкъ, половая жизнь котораго начинается грязными наслажденіями, нравственно менѣе запятнанъ, чѣмъ женщина при равныхъ условіяхъ. Musset, у котораго, разумѣется, недостатка въ опытности не было, весьма мѣтко высказался по этому поводу въ слѣдующихъ своихъ стихахъ *):

„Malheur à celui qui laisse la debauche
Planter le premier clou sous sa mammelle gauche!
Le coeur d' un homme vierge est un vase profond:
Si la première eau qu'on y verse est impure,
Une mer y passerait sans laver la souillure...
Car l'abîme est immense et la tâche est au fond.

Если же женщина всетаки большею частью падаетъ ниже, чѣмъ мущина, то это происходитъ оттого, что общество и общественное мнѣніе ниже ее толкаютъ, и потому, что на цѣломудріе мущины — къ большому ущербу для потомства—не обращаютъ никакого вниманія и что мущинѣ удобнѣе, а не полезнѣе, было дозволять себѣ тѣ вольности, которыя онъ запрещаетъ женщинѣ.

*) „Горе тому, кто дозволяетъ распутству
Всадить первый гвоздь подъ свою лѣвую грудь!
Сердце цѣломудреннаго человѣка—глубокій сосудъ:
Если первая вода, которую влили въ него—нечиста,
То и море не въ состояніи будетъ смыть эту грязь,
Ибо бездна неизмѣрима и грязь „на днѣ.

Указанной особенной нравственностью, которую мущина придумалъ для женщины, обусловливается то позорное и унизительное недовѣріе къ ней, благодаря которому ей запрещаются хотя тщетно и безцѣльно самыя невинныя вещи и сколько-нибудь свободныя дѣйствія. Послѣдовательны въ этомъ отношеніи только восточные народы; впрочемъ, и они даже не обрѣтаютъ своею бдительностью тѣхъ гарантій женской безпорочности, которыхъ они домогаются въ своей подозрительности.

У насъ ревнивый мужъ—въ своемъ воображеніи, по крайней мѣрѣ, онъ всегда вѣдь остается жертвой измѣны—сталъ трагикомическимъ „героемъ“ въ обществѣ и въ литературѣ,

А между тѣмъ, какъ въ самомъ дѣлѣ, можетъ у насъ мужъ уважать жену, братъ свою сестру, сынъ свою мать, коль скоро эти господа знаютъ, что онѣ безъ спроса и безъ отчета не вправѣ отлучаться изъ-дому на пару дней, на одну ночь, если только онѣ не хотятъ навлечь на себя подозрѣніе въ предосудительномъ поведеніи,—что, наконецъ, хозяйкѣ дома запрещено то, что вполнѣ разрѣшается ея прислугѣ?

Это недовѣрчивое отношеніе къ женщинѣ коренится не только въ предразсудкахъ нашей половой нравственности, но и въ законодательствѣ, которое ставитъ женщину въ положеніе подчиненной. Независимый человѣкъ не имѣетъ нужды обманывать; кто не долженъ бояться наказанія, тотъ не лжетъ, и тому, кого

считаютъ неспособнымъ лгать, нельзя не довѣрять. Далѣе. самостоятельный человѣкъ въ тысячу разъ воздержнѣе и положительнѣе, чѣмъ сторожимый рабъ, который пребываетъ въ похотливо манящемъ трепетѣ между соблазномъ запрещеннаго плода и страхомъ наказанія. Вотъ почему прелюбодѣяніе со всѣми его пагубными послѣдствіями, положительно, у насъ поощряется и поддерживается нашими брачными законами, равно и нашими предразсудками,

Извѣстно, что, чѣмъ страна болѣе развита культурно и экономически, тѣмъ въ ней свободнѣе положеніе женщины, тѣмъ болѣе она въ отношеніи правоспособности приближается къ мущинѣ; естественное дифференцированіе половъ, обогащеніе націи индивидуальностями, обогащеніе, которымъ обусловливается существо нашего культурнаго развитія, естественно къ тому и ведетъ. Раса и особыя историческія условія, безъ сомнѣнія, не остались въ этомъ отношеніи безъ вліянія. Германскія страны въ этомъ дѣлѣ значительно дальше ушли впередъ, чѣмъ романскія; только самая Германія составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе; послѣдняя въ отношеніи положенія женщины стоитъ позади Франціи и даже Россіи, гдѣ общій гнетъ и общая опасность, повидимому, создали въ интеллигентныхъ классахъ тѣсное товарищество и равенство между мущиной и женщиной. Основной причиной такого положенія нѣмецкой женщины является отчасти то обстоятельство, что культурное развитіе, вообще, у нѣмцевъ такъ долго тормазилось разрозненностью и неблагопріятными условіями существова-

нія нѣмецкихъ государствъ,—отчасти же эта аномалія обусловливалась тѣмъ роковымъ ложнымъ идеализмомъ, который сталъ у нихъ чуть ли не національной болѣзнью. Господа нѣмцы, которые говорятъ или пишутъ о женскомъ вопросѣ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, повидимому, даютъ себѣ трудъ серьезно надъ нимъ задумываться и, главное, не считаютъ нужнымъ хоть сколько нибудь ознакомиться съ историческимъ развитіемъ, экономическими условіями и успѣхами женскаго движенія въ другихъ странахъ; слишкомъ устарѣлые, слишкомъ избитые и многократно опровергавшіеся взгляды на данный вопросъ въ послѣднее время повторялись и печатно высказывались. Какъ наиболѣе курьезный аргументъ противъ женщинъ, аргументъ, который страннымъ образомъ безпрестанно повторяется, можно отмѣтить то выставляемое опасеніе, что, если женщина добьется равноправія и серьезно вступитъ на путь экономической борьбы, то мущины тутъ же перестанутъ оказывать ей ту любезность въ обращеніи, ту предупредительную вѣжливость, которая въ отношеніи ея въ настоящее время соблюдается или, по крайней мѣрѣ, должна соблюдаться. На самомъ же дѣлѣ, развѣ женщина уже давно не участвуетъ въ этой борьбѣ, развѣ милліоны работницъ во всѣхъ отрасляхъ нѣмецкой промышленности не нѣмецкія же женщины, развѣ онѣ вступили въ эту борьбу для развлеченія, а не подъ тяжелымъ гнетомъ измѣнившихся экономическихъ условій? Указанное опасеніе заставляетъ думать, что мущины какъ будто, вообще, стремятся избавиться отъ обязанности быть вѣжли-

выми, словно любезность въ обращеніи является для нихъ какой то тягостной и непріятной повинностью, а не то что проявленіемъ благородства ихъ натуры и однимъ изъ видовъ совершенствованія формъ общежитія. Наконецъ, не лучше ли было бы—они бы объ этомъ подумали—и въ отношеніи мущинъ, т. е. себѣ равныхъ держаться вѣжливѣе и сообщить невольной борьбѣ нѣжнѣйшую и снисходительнѣйшую форму, а не то что рекомендовать женщинѣ возвратъ къ варварской некультурности. Впрочемъ, приведенное опасеніе какъ разъ опровергается дѣйствительностью. Въ самомъ дѣлѣ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ правовое положеніе женщины лучше, ей оказываютъ и большую вѣжливость, чѣмъ у нѣмцевъ, что вполнѣ и естественно, и весьма многія явленія въ обществѣ и дома, которыя въ обращеніи мущинъ съ женщинами въ Германіи—естественны, оказываются въ Англіи, Америкѣ и въ Скандинавскихъ странахъ, въ особенности на улицѣ, невозможными и немыслимыми. Можно, положительно, утверждать, что, чѣмъ дальше въ какой нибудь странѣ подвинулась впередъ эмансипація женщины, тѣмъ, отношеніе къ ней мущины предупредительнѣе, благороднѣе и проникнуто болѣе дѣйствительнымъ къ ней уваженіемъ.

Однако, черты внѣшняго отношенія мущины къ женщинѣ представляются не особенно существенными и имѣютъ чисто симптоматическое значеніе. Въ разсматриваемомъ же вопросѣ мы должны имѣть въ виду нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ красивыя манеры, а именно

признаніе за женщиной свободы личности, являющеся необходимымъ условіемъ всякой истой человѣчности, основною цѣлью всякой культуры, свободы, требованіе которой всегда и вездѣ должно считатся вполнѣ есгественнымъ.

Угнетеніе же личности женщины вездѣ имѣетъ своими послѣдствіями тайную и опасную месть, глухую злобу въ интимнѣйшихъ отношеніяхъ семейной жизни, отвоевываніе утерянной свободы скрытыми путями, горькую жизнь внѣ брака и безконечную ложь въ самомъ бракѣ. Подъ вліяніемъ такихъ аномалій разрушается та именно общность интересовъ, во имя которой предпринимается самое угнетеніе. Если же мущины при этихъ условіяхъ жалуются, что они гибнутъ отъ своихъ женъ, то подобныя жалобы напоминаютъ собою претензіи тѣхъ родителей, которые стали бы жаловаться, что они плохо воспитаны своими дѣтьми. Должно замѣтить, что всѣ недостатки, которые признаются въ женщинахъ и на которые мущины обыкновенно ссылаются въ подтвержденіе ихъ неспособности къ занятію той или другой профессіей, представляютъ собою не что иное, какъ послѣдствія ихъ многовѣковаго рабства. Эти недостатки при наличности свободы, исчезли бы, по меньшей мѣрѣ, такъ же, какъ это имѣло мѣсто у мущинъ, которые отъ такихъ же недостатковъ и теперь еще не вполнѣ свободны. Тогда только можно было бы установить, къ какимъ именно профессіямъ и должностямъ женщина пригодна и къ какимъ она неспособна.

Возьмемъ такой примѣръ, что поколѣніе мальчиковъ съ нормальными умственными способностями стало бы такъ же воспитываться съ первыхъ же лѣтъ, какъ мы воспитываемъ нашихъ дѣвушекъ. Онѣ бы затягивались въ корсетахъ, которые стѣсняли бы ихъ свободныя движенія; имъ разрѣшались бы только строго ограниченные пріемы гимнастики, предписывались бы и возводились бы въ идеалъ постоянная скромность, покорность и стыдливость, въ то время какъ всякое рѣшительное подчеркиваніе собственнаго мнѣнія, всякое самостоятельное проявленіе своей личности, энергичныя движенія и тому подобныя дѣйствія признавались бы для нихъ „не мужественными" (это было бы тогда поистинѣ такъ же одинаково „немужественно", какъ это является теперь „неженственнымъ"). При такихъ условіяхъ воспитывали бы въ мущинахъ трусость вмѣсто храбрости; ихъ оставляли бы по возможности въ невѣдѣніи относительно тайнъ и опасностей жизни, не давали бы имъ ничему серьезно и основательно учиться и, по достиженіи ими совершеннолѣтія, ограничивали бы ихъ права на всѣхъ поприщахъ. Подобные мущины впослѣдствіи оказывались бы точно такъ же неспособными для большинства должностей и для занятія многими профессіями, стали бы такъ же неискренни въ жизни,—такъ же склонны къ скрытности и изворотливости, какъ и современныя женщины. Всякое представленіе объ общественныхъ задачахъ, всякій интересъ къ великимъ вопросамъ жизни были бы имъ совершенно чужды; они выродились бы такъ же, какъ и наши женщины стали выродившимися и нервными

созданіями. А между тѣмъ эти то нервныя созданія составляютъ половину каждой націи, являясь матерями грядущихъ поколѣній, которымъ онѣ должны передать въ наслѣдство какъ свою силу, такъ и свою слабость и при томъ въ совершенно одинаковой мѣрѣ и сыновьямъ, какъ и дочерямъ.

Говоря о свободѣ доступа къ труду, нельзя, разумѣется, отрицать, что всегда будутъ встрѣчаться такія профессіи, къ которымъ женщина совершенно неспособна или менѣе пригодна, чѣмъ мущина, но этотъ вопросъ при полной свободѣ обоихъ половъ ужъ самъ собою урегулируется. Когда положеніе женщины въ семьѣ, на поприщѣ труда и въ средѣ будетъ болѣе уважаемое, болѣе справедливое и болѣе достойное, то у нея и не будетъ повода стремиться къ занятію профессіей, къ которой она не чувствуетъ особыхъ способностей и особаго призванія. Во всякомъ случаѣ, она тогда не чаще, а, надо полагать, рѣже будетъ ошибаться въ выборѣ профессіи, чѣмъ это дѣлаетъ въ настоящее время мущина. Дѣло въ томъ, что всегда призваніе матери будетъ высшимъ назначеніемъ женщины, мало того, оно, пожалуй, когда нибудь будетъ вообще признаваться высшимъ человѣческимъ призваніемъ. Въ настоящее же время значеніе и возвышенная роль женщины, какъ матери, далеко еще не оцѣнены по достоинству, и слишкомъ мало еще сдѣлано для блага матери въ частной, равно и общественной жизни, въ домашнемъ быту, какъ и на фабрикѣ и въ деревнѣ. Подобающее уваженіе къ женщинѣ-матери въ наше время наблюдается еще въ очень рѣдкихъ случаяхъ,

оставаясь большею частью лишь въ области лицемѣрныхъ сантиментальныхъ фразъ; у насъ уваженіе оказывается только на словахъ, а отнюдь не на дѣлѣ, въ жизни. Если бы это уваженіе, дѣйствительно, проявлялось въ частной и общественной жизни, то женщинѣ не было бы отведено то подчиненное положеніе, которое она занимаетъ въ настоящее время; ее не стали бы такъ воспитывать, какъ это принято теперь, ея тѣло и умъ стали бы иначе развивать и укрѣплять, подготовляя ее для великаго призванія матери и воспитательницы будущихъ отцовъ и матерей. Печальнымъ послѣдствіемъ указаннаго отношенія къ женщинѣ—матери является тотъ фактъ, что женщины какъ разъ для этого призванія, которое въ настоящее—то время такъ любятъ выставлять ея высшимъ назначеніемъ, оказываются у насъ и слабо подготовленными и мало способными. Вотъ почему слишкомъ глубокія измѣненія потребуются въ этомъ дѣлѣ; прежде всего необходимо признать вполнѣ естественнымъ, что мать во всѣхъ почти случаяхъ, гдѣ она оказывается болѣе или менѣе способной и активной, должна имѣть большія права на ребенка, чѣмъ отецъ, мало того, что ребенокъ въ юридическомъ отношеніи долженъ быть вообще ближе къ матери, какъ это предназначено ей самой природой. Женщины будущихъ поколѣній, будучи сами иначе воспитаны и благодаря большей свободѣ, болѣе развиты, будутъ совершенно другими воспитательницами своихъ дѣтей и будутъ въ состояніи оказывать на нихъ болѣе серьезное, болѣе энергичное и менѣе изнѣживающее вліяніе.

Въ сущности говоря, между обоими полами, въ дѣйствительности, существуетъ громадное различіе и притомъ не только въ отношеніи одной тѣлесной силы и умственныхъ способностей. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь природа не знаетъ равенства; ея неравенства поразительны и трагичны; она создаетъ въ одно и то же время—геніевъ и идіотовъ, красивыхъ и уродовъ, сильныхъ и слабыхъ и еще другіе безчисленные контрасты, которые съ теченіемъ времени превращаются въ различныя сочетанія силы, способностей и развитія въ свою очередь порождаютъ новыя неравенства. Въ виду же того обстоятельства, что указанное естественное неравенство продолжаетъ существовать, и отрицательное его вліяніе оказалось въ высшей степени пагубнымъ, то революціи и политическія организаціи дабы парализовать вліяніе этого неравенства въ ея возрастающей силѣ, создали единственно возможный для этой цѣли коррективъ, а именно правовое равенство. Вотъ почему, если женщины созданы другими и притомъ болѣе слабыми существами, чѣмъ мущины, то имъ, женщинамъ, необходимо предоставить, по крайней мѣрѣ, полнѣйшее равенство и безпрепятственную свободу развитія для того, чтобы онѣ всѣ дарованія, данныя имъ свыше, могли, какъ можно, шире развивать, но отнюдь не обречь ихъ на вѣчное рабство, притворство и самоискаженіе, поддерживая ихъ таковое положеніе, какъ ихъ естественный удѣлъ и чуть ли не главное ихъ назначеніе.

Указанное выше различіе между полами, въ дѣйствительности, представляется еще болѣе рѣзкимъ,

чѣмъ большинство людей привыкло себѣ представлять. Образъ мыслей того и другого пола, а въ особенности ихъ способность чувствованія во многихъ областяхъ сами по себѣ въ высшей степени различны, уже независимо отъ дѣйствующаго въ этомъ смыслѣ искусственнаго вліянія современнаго воспитанія. Словомъ, это—два отдѣльныхъ міра, которые потому, собственно, другъ къ другу тяготѣютъ и взаимно себя дополняютъ, что между ними существуетъ такое именно различіе. „Кто когда либо въ состояніи былъ бы достаточно понять, насколько чужды другъ другу мущина и женщина". Въ силу этого именно различія мущины неспособны издавать законовъ для женщинъ, подобно тому какъ европейцы, постоянно живущіе на сѣверѣ, не могли бы издавать полезныхъ законовъ для жителей тропиковъ. Поэтому—то и женщины должны имѣть право голоса во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ затрогиваются ихъ интересы, разсматриваются законы объ ихъ правахъ, объ отношеніяхъ между мужемъ и женой, между матерью и ребенкомъ, вообще, необходимо предоставить имъ право наравнѣ съ мущинами обсуждать и рѣшать близко касающіеся ихъ вопросы.

Говоря о правахъ женщинъ, не слѣдуетъ хотя придавать преувеличенную цѣну политической дѣятельности, вообще, и нынѣ господствующимъ политическимъ системамъ въ частности но, коль скоро онѣ существуютъ, то само собою разумѣется, что политическія права обоихъ половъ должны быть одинаковы. Въ цѣломъ

рядѣ неевропейскихъ странъ это равноправіе уже существуетъ и въ очень недалекомъ будущемъ оно будетъ установлено вездѣ, какъ бы страннымъ это ни казалось теперь въ менѣе культурныхъ государствахъ. Правда, въ Азіи считается еще совершенно безумно— „европейскимъ" тотъ порядокъ, при которомъ женщины однѣ выходятъ изъ-дому, съ непокрытымъ лицомъ показываются на улицѣ, имѣютъ право разговаривать съ посторонними мущинами и проч.

Подобная вольность является въ глазахъ восточныхъ народовъ чѣмъ—то безнравственнымъ, постыднымъ и до смѣшного распущеннымъ; въ предоставленіи женщинѣ подобныхъ правъ они усматриваютъ отреченіе мущины отъ своего превосходства, достоинства и господства. Мы же считаемъ себя неизмѣримо выше восточныхъ народовъ и не хотимъ, однако, признавать что мы, при всей нашей культурности, смотримъ на женщину совершенно такъ же, какъ и некультурные восточные народы, и чуждое намъ болѣе справедливое положеніе женщины въ болѣе культурныхъ странахъ точно такъ же, какъ и послѣднимъ, кажется и намъ смѣшнымъ и невозможнымъ. Нельзя отрицать, что женщины свои новыя права на первыхъ порахъ стали бы въ нежелательномъ направленіи и превратно осуществлять, точно такъ же, какъ это вездѣ и всегда въ подобныхъ случаяхъ дѣлали и понынѣ еще дѣлаютъ мущины. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь занятіе каждой профессіей и пользованіе каждымъ правомъ требуетъ извѣстнаго навыка. Никто не является для данной профессіи зрѣлымъ, коль скоро онъ не взялся за нее незрѣлымъ;

нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, сказать человѣку; „сначала ты долженъ учиться плавать на землѣ, прежде чѣмъ позволить тебѣ пуститься въ воду“. Для политическихъ правъ люди становятся зрѣлыми, лишь благодаря тому, что имъ таковыя предоставляютъ.

Женщина, правда, въ настоящее время, не имѣя политическихъ правъ и ограниченная въ матеріальныхъ правахъ, пользуется, однако, огромной силой; она, безспорно, очень часто господствуетъ надъ мущиной и всюду въ жизни пользуется выдающимся вліяніемъ Но эта преимущественная сторона ея положенія—не болѣе, какъ власть фаворита, вліяніе раба, скрытая, коварная и прежде всего безнравственная сила заднихъ дверей и потаенныхъ ходовъ. Между тѣмъ, для кого не очевидно, что свободная и открытая дѣятельность женщины, каковая ей нынѣ въ большинствѣ случаевъ запрещена, въ тысячу разъ лучше и естественнѣе. Невидимо дѣйствующій ядъ исчезъ бы изъ сферы нашей жизни, если бы правовое положеніе женщины было болѣе свободнымъ. Одно прежде всего благое начало будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ уравненіе женщинъ въ правахъ съ мущинами. Ужаснѣйшая язва нашей цивилизаціи, проституція, по крайней мѣрѣ, въ ея современной формѣ тогда исчезнетъ, ибо женщины, критически мыслящія и имѣющія вліяніе въ политическомъ смыслѣ, не станутъ терпѣть этой аномаліи. Словомъ, предоставленіе женщинѣ равноправія является болѣе дѣйствительнымъ средствомъ противъ этого зла, чѣмъ всякіе нравственные союзы и моральныя проповѣди.

Только при этихъ условіяхъ у насъ будутъ жены, а не рабыни и выродки, каковыхъ намъ съ болью въ сердцѣ приходится встрѣчать на каждомъ шагу на улицѣ и въ домахъ. Искусственно изуродованнымъ, наподобіе ногъ китаянокъ, оказывается духовный міръ у современныхъ женщинъ въ связи съ ихъ мелочностью и безпомощностью, и такъ же, какъ у китайцевъ, это уродство считается у насъ аттрибутомъ благородства и признакомъ „настоящей женственности“. Тогда—то именно будутъ у насъ и другіе браки и другая любовь между мужемъ и женой и болѣе глубокое уваженіе къ личности женщины—матери.

Когда женщина будетъ пользоваться всѣми правами наравнѣ съ мущиной, то и бракъ, какъ таковой, будетъ для насъ возвышенной сферой безпрерывнаго совершенствованія, переставъ быть, какъ въ настоящее время, обузой для супруговъ, факторомъ косности или отсталости для мущины и своего рода рабствомъ для женщины. Само собою разумѣется, что всѣ такіе вопросы тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ экономическими условіями данной страны, и окончательное разрѣшеніе этихъ вопросовъ возможно только въ связи съ реформами экономическихъ отношеній. Впрочемъ, и въ настоящее время, благодаря установившимся въ области названныхъ отношеній новымъ болѣе разумнымъ воззрѣніямъ и законамъ, уже широко наблюдается благіе результаты въ указанномъ направленіи, результаты, которые и на всѣ другія стороны нашей жизни должны оказывать въ высшей степени благотворное вліяніе.

Тогда то болѣе возвышенный, болѣе цѣломудренный идеалъ женщины будетъ господствующимъ. Послѣдняя будучи здоровой и красивой, съ крѣпкимъ тѣломъ, здравымъ и положительнымъ умомъ, будетъ истинной и полноправной подругой своего мужа, здоровой матерью и самоотверженной воспитательницей своихъ дѣтей. Тогда то и вызваны будутъ къ жизни и дѣятельности скрытыя въ женщинахъ неисчерпаемыя силы которыя мы нынѣ въ исключительныхъ богато одаренныхъ и особенно развитыхъ натурахъ такъ цѣнимъ и превозносимъ и которыя также въ мущинахъ сплошь да рядомъ будутъ вызывать усиленное стремленіе къ плодотворному соревнованію.

Въ настоящее же время намъ остается пока—только глубоко сожалѣть, что мы въ отношеніи высшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ человѣчества продолжаемъ еще пребывать въ состояніи почти полнаго варварства, и признать, что для всѣхъ мущинъ и женщинъ одинаково въ высшей степени важно, чтобы въ области разсмотрѣнныхъ здѣсь вопросовъ предприняты были необходимыя реформы.